

Источник: <http://roman.by/r-76965.html>

Особенности русской речи эмигрантов четвертой волны

Е. А. Земская

Изучение языка зарубежья имеет важное практическое и теоретическое значение. Оно связано с рядом проблем теории языка, социолингвистики, этнолингвистики, психолингвистики, а также проливает свет на такие явления, характерные для сосуществования разных языков, как двуязычие и многоязычие, виды кодовых переключений, интерференция родственных и неродственных языков, на действие факторов, способствующих сохранению языка в окружении других языков, на выявление разной степени устойчивости отдельных сторон языковой системы в условиях иноязычного окружения.

Основные материалы исследования - магнитофонные и ручные записи, сделанные мной в период с 1991 по 2005 годы.

Отличительные черты IV волны эмиграции

Эмигранты IV волны не представляют собой единства. Они в высшей степени неоднородны по своему составу.

Лица, выехавшие из СССР в последние десятилетия XX века в большинстве своем уезжали навсегда. Эту часть эмиграции IV волны нередко называют экономической. В значительном большинстве ее составляют люди, не имеющие желаний возвращаться. Их цель - как можно скорее добиться в стране, приютившей их, успеха, иметь работу, дом, семью. Они не хотят быть чужаками, хотят стать своими. Важнейший элемент достижения этой цели - освоение чужого языка. Многие из них (но отнюдь не все!) стремятся всеми силами говорить на новом языке и перестают говорить по-русски. Такие люди есть во многих странах (США, Франция, Италия, Финляндия), но особенно много их в Германии среди той части эмиграции, которую составляют так называемые "русские немцы", т.е. немцы, возвращающиеся на свою историческую родину из Поволжья, Казахстана, Сибири, и члены их семей. Эта часть эмигрантов четвертой волны часто не имеет высшего образования, многие занимаются малоквалифицированным трудом и обычно, приезжая, не знают языка приютившей их страны (Сошлюсь на данные, приведенные в работе Н. Л. Пушкаревой: среди эмигрантов 90-х годов зафиксировано 99,3 % граждан, заявивших при выезде, что они никаких языков, кроме русского, не знают (Пушкарева 1997: 156)). Им приходится начинать с нуля. Именно поэтому их русский наиболее легко и быстро подвергается влиянию чужого языка, в нем ярче всего видны процессы интерференции. Названные выше обстоятельства определяют отношение новоприезжих к русскому языку. Они не относятся к русскому языку как к святыне (что было свойственно эмигрантам I волны). Они используют его как удобное, легкое для них средство общения, но лишь немногие из них берегут его, стараются сохранить и передать своим детям. Они читают русские книги, многие смотрят русское телевидение и русские фильмы. У них - в отличие от беженцев I волны - сохраняются реальные связи с Россией и русскими - жителями метрополии. Более того, часто, находясь вне России, они тем не менее живут в своем кругу - лиц, уехавших из той же страны, что и они. Я наблюдала это во многих странах - в Германии, США, Финляндии. Несомненно, что последние обстоятельства (связи с Россией и эмигрантами из России) благоприятствуют сохранению русского языка.

Материалы по русскому языку как второму родному на сайте www.russisch-fuer-kinder.de

Приведу высказывание немецкого слависта Маттиаса Раммельмейера, который так характеризует современную ситуацию в Германии: "Наличие большого количества иноязычной публики приводит, таким образом, к формированию многослойной системы общества в Германии, как и в других странах (напр., в Америке). Эти слои - немецкий, турецкий, русский - образуют подсистемы, которые существуют обособленно, не пересекаясь друг с другом, что позволяет русскоязычному человеку в Германии существовать почти без знания немецкого языка: носители русского языка не испытывают необходимости в знании немецкого языка, так как все бытовые сферы функционируют на русском языке (или совсем без языка, как, например, транспорт, финансы и т.п.). В том, что невладение немецким языком ограничивает возможности социального подъема (карьеры), "одноязычники" себе не дают отчета или дают слишком поздно" (e-mail от 22.01.03, адресован Е. А. Земской).

Необходимо сказать, что IV волна неоднородна. В конце XIX-XX вв. ее состав резко меняется. Уезжают люди образованные (и даже высокообразованные). Они увозят с собой большие библиотеки, сохраняют квартиры в России, чтобы можно было вернуться туда или приезжать время от времени. Такие лица владеют хорошим русским языком и стремятся передать его своим детям. Иными словами, в последние годы состав русского зарубежья пополняется лицами, которые едут за границу на заработки или на учебу. Многие из них уезжают не навсегда, а на некоторое время. Однако, если они живут вне России год или годы, их русский может подвергаться влиянию чужого языка.

Каковы же отличительные черты русской речи эмигрантов IV волны? Наиболее резкая особенность их речи, бросающаяся в глаза, - широкое употребление иноязычных слов. Интонация может подвергаться чужому влиянию, но далеко не у всех. Наиболее устойчивой остается грамматика и словообразование.

Устойчивость русской грамматики вполне объяснима: ведь эти люди покинули метрополию взрослыми. Они получили образование (среднее, а иногда и высшее) на русском языке. Следует отметить, что заимствованные слова вовлекаются в сферу русской грамматики: основной массив существительных склоняется, глаголы - спрягаются. Оказывается сильным и словообразовательный механизм. Основы заимствованных слов разных частей речи соединяются с русскими словообразовательными аффиксами и становятся словами-гибридами русского языка (о словах-гибридах см. [Земская 2002a]). Несколько примеров: англ. slice - слайсик (ломтик); нем. sich melden - замельдоваться (зарегистрироваться); фр. bébé - бебешка, charmant - шармантность. Слова-гибриды склоняются и спрягаются как обычные слова русского языка.

Жизнь вне России и русского языка не может не сказываться на речи эмигрантов. Окруженные чужой речью, они постоянно впитывают ее, сознательно и бессознательно. Им требуются новые номинации для называния новых реалий, новых ситуаций и условий жизни. Высокочастотные чужие слова теснят русские. Люди невольно говорят pardon, anteeksi (финск.) или sorry (вместо извините, простите); hi (вместо привет); merci, danke, thank you, и т.д. Словечки o'кэй, doch, ja, na ja, ça va буквально лезут в их речь.

Среди моих информантов имеются люди разного возраста (от 25 до 85 лет) и разных профессий: инженеры, врачи, бухгалтеры, учителя, компьютерщики, фотографы, экскурсоводы, художники, музыканты, преподаватели вузов, филологи, артисты.

Заимствованные слова в речи эмигрантов

Лексика легко поддается влиянию языка той страны, в которой живет эмигрант. Однако язык не всех стран обитания влияет на речь уехавших за рубеж. Наиболее сильное

влияние оказывают языки, имеющие большую социальную и культурную значимость, иными словами, языки, широко распространенные в мире, обладающие престижем, ценностью в международном масштабе. Для эмигрантов первой волны - это французский и английский языки. Последний приобрел особое влияние после Второй мировой войны. Языки же таких стран, как, например, Болгария и Китай, не оказывали значительного влияния на речь эмигрантов первой волны (см. [Земская 2001, глава "Факторы:"; Оглезнева 2003]). Русские беженцы обходились без этих языков. Хорошо известно, что русские в Харбине долгие годы сохраняли прекрасный русский язык, учились в русских гимназиях, читали русскую классику. У них был свой русский мир.

Во второй половине XX в. английский язык завоевывает все большее влияние в мире. К концу XX в. он нередко служит языком посредником в неанглоязычных странах (например, в Голландии и Финляндии), вытесняя немецкий и французский. Эмигранты разных волн по-разному используют заимствования. Особенно существенные различия наблюдаются между лицами, принадлежащими к I и IV волнам эмиграции. Эмигранты I волны обычно используют заимствования как инкрустации. Происходит кодовое переключение с одного языка на другой, и говорящий употребляет чужое слово как вставку (инкрустацию), с соответствующим произношением, без какого-либо морфологического приспособления, что свойственно представителям IV волны. Большинство эмигрантов IV волны использует заимствования в том фонетическом облике, который отражает произношение (не написание!), но на это произношение нередко накладывается ярко выраженный русский акцент - аканье, оглушение конечных согласных.

Отличие речи эмигрантов I волны и их потомков от языка других волн эмиграции состоит в том, что им свойственно употребление слов не только из языка той страны, в которой они живут, но и слов других языков - в первую очередь французского и английского (даже если они живут, например, в Италии). Это объясняется тем, что значительная часть старой эмиграции передает своим детям и внукам семейные традиции знания нескольких языков.

Причины появления заимствований в речи эмигрантов

Интересный анализ причин заимствования дан в работе [Крысин 1996: 146-155].

Учитывая эту классификацию, выделим три группы слов и выражений, употребление каждой из которых вызвано не одной определенной причиной, а комплексом причин:

а) Иноязычные слова именуют нечто специфическое в новой жизни, отсутствующее или не характерное для жизни в России. Для называния соответствующих предметов или явлений нет русских однословных номинаций. Таковы, например, англ. appointment, welfare, food stamp; нем. Arbeitsamt, Socialamt, Termin, Tiefgarage - подземный гараж, Eintopf - обед из одного блюда.

б) Аналогичные предметы и явления имеются в России и для них есть названия, но они столь резко отличаются по своей прагматике от зарубежных, что русское слово не передает их специфику. Таковы русское подвал и англ. basement, нем. Keller.

в) Высокая коммуникативная актуальность понятий, которые обозначаются иноязычными словами, и, следовательно, высокая частотность употребления заимствований. Заимствования называют очень важные для жизни в данной стране понятия, предметы или явления. Вот некоторые высокочастотные параллельные названия из разных языков, употребляемые, как правило, без перевода: англ. sale, нем. Angebot и Sonderangebot, фр. solde, финск. Tarjous - распродажа.

Многочисленные надписи, указатели, таблички развешаны по всему городу: Sale! Angebot! Tarjous! Они кричат, лезут в глаза и заставляют, вынуждают человека использовать эти слова, а не их русские эквиваленты.

Охарактеризованные выше три причины заимствований могут быть кратко поименованы так: необходимость номинации, специфическая прагматика, высокая коммуникативная актуальность понятия. Добавлю, что часто эти причины действуют совместно. Так, немецкий келлер и американский бэйсмент резко отличаются по своему устройству и назначению от русского подвала. Приведу примеры еще некоторых высокочастотных слов, употребляемых эмигрантами. По моим наблюдениям, у эмигрантов, живущих в Германии, к числу очень употребительных относится словечко doch, выражающее самые разные виды реакции на реплику собеседника (все-таки, конечно!, ну!, неужели!). Весьма частотны слова Putzfrau ('уборщица'), Bahnhof ('вокзал'), Onkel ('дядя'), Tante ('тетя'), фильм (в значении 'фотопленка'), Abitur ('экзамен на аттестат зрелости'), Geld ('деньги'), Krankenhaus ('больница'), warum? ('почему?'), was? ('что?').

Функции заимствованных слов в речи эмигрантов

Функция первая - самая распространенная: номинативная. Заимствования служат для наименования предметов и явлений действительности, прежде всего тех, которых нет или не было в России и СССР. Она свидетельствует об освоении эмигрантами новых социальных, экономических, культурных, бытовых и прочих сторон жизни в чужой стране, ср. [Venson 1960; Andrews 1998, Земская 2001]. Эту функцию обслуживает наибольшее число заимствований. Сюда относятся многочисленные наименования жизненно важных социальных институтов, учреждений, явлений: англ. food stamp (талоны на продукты), welfare (вэлфэр и велфэр; род государственного пособия), green card (карта, дающая право на работу).

Функция вторая - служит для самовыражения, самоутверждения, которое создается употреблением иноязычных и, следовательно, более престижных слов. В какой-то мере это род саморекламы людей, которые стремятся на каждом шагу вставлять в свою речь заимствования. "А я знаю этот язык!" - вот девиз, которым можно кратко охарактеризовать этот тип речевого поведения. Он характерен в первую очередь для эмигрантов IV (реже III) волны, которые недостаточно знают язык новой страны. Наблюдения, проведенные в США, Франции, Италии, Германии, Голландии, показывают, что действует следующая закономерность: лица, хорошо знающие данный язык и - более того - свободно говорящие на двух-трех других языках, легко переключаются с одного языка на другой. Они не порождают макаронический дискурс. Они допускают иноязычные выражения при необходимости, действительно не зная (или не припоминая в данный момент) то или иное русское слово. Им нет нужды демонстрировать свое знание английского или какого-либо другого языка. Слово выделяется интонационно, тем самым подчеркивается престижность, значительность самого обозначаемого объекта.

Функция третья - экспрессивно-стилистическая, игровая; ср. [Andrews 1998: 100-102]. Используется для выражения отношения к тому, о чем идет речь, иногда - шире - к новой стране и образу жизни вообще. Это может быть иронизация, высмеивание, легкая шутка и т. д. Эта функция обнаруживается чаще всего у эмигрантов IV и III волн, так как для них чужой язык - новинка (при этом они сохраняют прекрасный русский и достаточно хорошо знают и чувствуют новый). Этим людям в высокой степени свойственна языковая рефлексия и чувство юмора. Так, эмигранты, живущие в Германии, создают каламбуры, сталкивая русские и немецкие слова: Такой Rechnung [счет], что рехнуться можно.

Между эмигрантами I и IV волн имеется различие в составе иноязычных слов. Эмигранты I волны часто используют слова отвлеченной семантики, такого рода, как *responsabilité* (ответственность), *personality* (личность) и обычно употребляют иноязычные слова тогда, когда русское слово забыто или неизвестно. Таким образом, эмигранты I волны используют иноязычные вставки не потому, что они хотят употребить чужое слово, а потому, что они забыли или не знают русское, тогда как новоприезжие не успели еще забыть русское слово, но хотят вставить иностранные слова по "языковой лени", для шику или для того, чтобы показать свою приобщенность к новой жизни.

Классификация заимствований по частям речи

Среди заимствований наиболее значительную группу составляют имена существительные. За ними следуют разного рода этикетные слова и реплики-реакции. Прилагательные и глаголы менее употребительны, и в их употреблении есть существенные различия. Прилагательные могут употребляться и в том виде, как они существуют в языке-источнике, т.е. как неизменяемые слова, и как слова изменяемые. Глаголы всегда имеют спрягаемую форму. Неизменяемых иноязычных глаголов нет. Глаголы, как правило, создают только эмигранты IV волны. Наличие в речи эмигрантов IV волны немалого числа иноязычных глаголов - характерная особенность новейшего этапа жизни русского языка за рубежом.

Попадая в чужую страну, эмигрант сталкивается с множеством официальных установлений, правил, распоряжений. Их названия не переводятся. Особо хочу выделить наименования некоторых обычаев, установлений, относящихся к сфере общественной жизни и быта: "так принято". Номинации этого рода высокочастотны и имеют большую коммуникативную значимость во многих странах. К числу таких понятий относится 'заранее условленная деловая или полуделовая встреча', которое обозначается в англ. *appointment*, в нем. *Termín*. В русском нет однословного наименования этого понятия. Слово свидание (как и рандеву) относится к сугубо частной сфере, слово встреча обладает слишком общим значением, деловая встреча - длинно и не указывает на важный компонент 'договоренность'. Названные выше иноязычные слова именуют всевозможные виды встреч: *аппóинтмент* и *термín* могут быть у врача, парикмахера, научного руководителя, квартирной хозяйки, соседа. Чрезвычайно важным понятием для жизни в Англии и Америке является *privacy*, отличающее общественное поведение людей в этих странах не только от России, но и от таких высокоразвитых стран Европы, как Франция, Германия, Италия и некоторые др. Это понятие трудно передать по-русски. Слово *privacy* многозначно. Оно обозначает личную сферу, частная жизнь. Его часто используют, чтобы обозначить запрет вторгаться в личную сферу, неприкосновенность частной жизни. Показательно, что слово *privacy* имеет и такие значения: 'уединение'; 'тайна; секретность'. Необходимо отметить важность понятия *privacy* для жителей Англии и Америки. *Privacy* нельзя нарушать даже в мелочах. Ее защищает и закон, и обычай. Повседневное поведение, воспитание детей проникнуто понятием *privacy*. К сожалению, в России это понятие еще не укоренилось. Вот разговор с русской девочкой дошкольного возраста, живущей несколько лет в Англии. Взрослая знакомая говорит ей: Достань мне книгу из моей сумки, пожалуйста. Девочка подходит к сумке, опасливо смотрит на нее, но ничего не достает. Она объясняет: *Privacy* (мол, нельзя открывать чужую сумку). Мой диалог с русской, живущей более 20 лет в США (2003): - Можно мне в этой записи указать фамилию участника беседы? Или лучше инициалы? - Я подумаю. У него есть родные в Штатах. Они могут быть недовольны. Даже могут подать в суд. (Объясняет:) *Privacy*.

Структурные типы непереводаемых глаголов соответствуют трем глагольным классам, продуктивным в русском языке. Наибольшее число глаголов образуется по I продуктивному классу (тип читать - читают). Среди них есть как глаголы, производные от основ существительных (bill - счет; биллать - 'выписывать счет'), так и производные от английских глаголов (to afford - афóрдать, to drive - дра́йвать).

Отмечу, что наиболее употребительной формой глагола в речи, по моим данным, является инфинитив. Глаголы на -ать более продуктивны, чем глаголы на -ить, так как в них отсутствует чередование в основе. Третий структурный тип - глаголы на -овать, -ировать. Они отвечают нормам образования глаголов от иноязычных основ, действующим в русском литературном языке [Авилова 1967]: волонтировать - работать бесплатно.

Образование новыми эмигрантами многочисленных глаголов на -ать, -ить служит свидетельством их отношения к русскому языку - отсутствие заботы о сохранении русского языка, нечувствительность к порче русского языка, к его нормам. Возможно, что действует и другая причина: расшатывание ограничений на производство глаголов на -ить и -ать от иноязычных основ в языке России. Ср. возникновение в русском языке конца XX в. глаголов отксерить, пиарить, пропиарить и др. под. (см. подробнее: [Земская 2002a]). Отмечу, что и в языке эмигрантов Германии производство глаголов на -ать обнаруживает активность: шпрыхать, побешпрыхать (от sprechen, besprechen), шрайбать, шпарать (от sparen).

Неверно было бы думать, однако, что эмигранты совсем не производят глаголов на -овать. Глаголы этого типа есть в речи эмигрантов и в Америке, и в Германии, и во Франции. И это естественно: их соответствие нормам литературного русского языка, большое количество широкоупотребительных глаголов на -овать, -ировать, -изировать не могут не влиять на речевую деятельность эмигрантов. Вот некоторые иллюстрации. Широко распространен глагол парковать машину, как в языке диаспоры, так и метрополии. В Германии используются многие глаголы на -овать: хабилитировать(ся) (от sich habilitieren - защищать докторскую диссертацию), бухштабировать (читать, говорить по буквам), бламировать (позорить; от blamieren), замельдоваться (зарегистрироваться; от sich melden), штудировать (изучать). Например: Ты нас бламируешь; Она хабилитировала в прошлом году; Я штудирую экономику; Ты еще не замельдовался? (ср. зарегистрировался; структурная рамка русского глагола обрамляет заимствованный корень).

Остановлюсь подробнее на функциях глаголов, так как они менее исследованы, чем функции существительных. Подобно другим классам заимствований глаголы чаще всего используются в н о м и н а т и в н о й функции.

Наиболее очевидны мотивы порождения глаголов в тех случаях, когда они необходимы для наименования ситуации, отсутствующей в России и/или такой, для наименования которой нет русской однословной номинации.

Многие эмигранты в Нью-Йорке и других больших городах США употребляют глаголы то́вать, оттовать или оттовить (из to tow - буксировать, тянуть на бичеве: оттащить сломанный автомобиль).

Выражение товать (оттовать) машину обозначает целую специфическую ситуацию (подвергаться административному наказанию, платить штраф и т.д.). Аналогичное обозначение ситуации передает и немецкое абшлепать (из abschleppen - оттащить), которое часто используют эмигранты в Германии.

Воздействие окружающего языка, усиленное "языковой ленью", также способствует употреблению глаголов. Производные глаголы используются в тех случаях, когда соответствующее слово имеет русский эквивалент и при этом является высокочастотным в английском языке: драйвать, инджоить, тычить.

Глаголы часто используются как средство экспрессии, языковой игры. Этому способствует их ненормативный характер, который ощущают многие из эмигрантов. Ср. шутливое употребление глаголов в речи эмигрантов Германии: Пойду письмо нашрайбаю (от *shreiben*); Перешрайбай мне этот стишок! (перепиши). Возникает вопрос: как эмигранты оценивают рассматриваемые глаголы? Повторю: эмигранты I волны, а также те лица, которые следят за своим русским языком, их не употребляют. Очевидно, что и далеко не все эмигранты IV волны употребляют подобные глаголы. Многие мои знакомые, приводя те или иные факты, тут же отмечали: Я так не говорю.

Выводы

Историческая ситуация, сложившаяся в конце XX - начале XXI в., оказывает влияние на язык русского зарубежья. Социальный состав выходцев из России значительно изменился. IV волна эмиграции, которую называют экономической, включает большое число лиц, не знающих или почти не знающих язык новой страны. Если I волне эмиграции было свойственно беречь русский язык, то многие из новоприезжих, не зная достаточно хорошо язык страны обитания и стремясь как можно скорее овладеть им, включают в русскую речь большое число заимствований, порождая макаронический дискурс. Подчеркну, что это касается не всех эмигрантов IV волны. Среди эмигрантов IV волны много людей высокообразованных, они берегут русский язык.

Такое разрушение русской грамматики, как, например, это показано в (Polinski 1998), у лиц, проживших вне России менее 20 лет, уехавших взрослыми и получивших образование на русском языке, я не встречала.

Отсутствие заботы о чистоте русского языка обнаруживается в том факте, что IV волна эмиграции порождает глаголы на -ить, -ать от неукоренившихся заимствований.

Старые эмигранты таких глаголов не создавали. С одной стороны, - это свидетельство порчи русского языка, нарушения его норм, с другой стороны, однако, оно показывает силу русской грамматической системы, которая интегрирует не только существительные и прилагательные, вовлекая их в систему склонения, но и глаголы, преобразуя иноязычные корни в глагольные основы, пригодные для русского спряжения.

Современный период истории не только способствовал возрождению у эмигрантов интереса к русскому языку, но и дал реальные возможности для его укрепления и расширенного применения (встречи с людьми, приезжающими из России, возобновление насильственно прерванных связей с родственниками, друзьями, коллегами по работе, поездки в Россию). Происходит не только укрепление русского языка эмигрантов разных волн и поколений, но и некоторое обновление речи эмигрантов первой волны.

В конце XX в. поток переселенцев из России в некоторые страны (например, в США, Германию, Финляндию) так увеличился, что там образовались большие колонии русских, которые общаются между собой на русском языке. Это обстоятельство несомненно укрепляет позиции русского языка диаспоры.

Интерес к русскому языку живет и среди молодых эмигрантов четвертой волны, попавших в эмиграцию детьми. В США и Скандинавии считают важным помогать эмигрантам сохранить их родной язык. Так, занятия "Russian for Russian" проводятся в г. Лос-Анджелесе. (см. [Kagan и др. 2002; Земская 2002б]; ср. также: [Русский + 2000]). Сопоставление заимствований, функционирующих в речи диаспоры и метрополии, демонстрирует большое различие между ними, что не свидетельствует о различии причин, вызывающих сам процесс заимствования.

Различие в составе заимствуемых слов объясняется резким различием в социально-культурных и материальных условиях жизни в эмиграции и метрополии, что порождает необходимость жителю России адаптироваться к этим новым условиям. Это обстоятельство и объясняет, какие сферы жизни охватывают заимствованная лексика: финансы, деньги, социальные институты и нек. др. области. Но среди заимствований почти не представлена лексика, связанная с явлениями природы или наименованием животного и растительного мира, ибо подавляющее число эмигрантов живет в городах, а не в сельской местности.

Благоприятствует заимствованию наличие слов, совпадающих по форме с русскими, но имеющими иное значение. Такие слова не затрудняют эмигранта: они хорошо известны, легко запоминаются и произносятся. Пример: госпиталь - русск. "большая больница, преимущественно для военных", англ. hospital - "больница". Ср также слова камера, фильм, блок, мол.

Список литературы

- Авилова Н. С. Слова интернационального происхождения в русском литературном языке нового времени (глаголы с заимствованной основой). М., "Наука", 1967.
- БАС - Словарь современного русского литературного языка, т. 1-17. М.-Л., 1948-1965.
- Бобрик М. А. Очерк языка семьи Ф. // Язык русского зарубежья. М., В. 2001.
- Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VI. М., 1962, с. 25-60.
- Володарская Э. Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов // ВЯ, 2002, № 4, с. 96-118.
- Гловинская М. Я. Общие и специфические процессы в языке эмиграции и метрополии. // Язык русского зарубежья. Отв. ред. Е. А. Земская. М.-Вена, 2001.
- Голубева-Монаткина Н. И. Об особенностях русской речи потомков первой русской эмиграции во Франции // Русский язык за рубежом, 1993, № 2, с. 100-105.
- Голубева-Монаткина Н. И. Грамматические особенности русской речи потомков эмигрантов "Первой волны" во Франции // Филологические науки, 1994, № 4, с. 104-111.
- Добровольский Д. О. Рец. на кн.: К. Meng. Russlanddeutsch Sprachbiografien. Untersuchungen zur sprachlichen Integration von Aussiedlerfamilien Unter Mitarbeit von Ekaterina Protassova (= Studien zur deutschen Sprache. Forschungen des Institutes für deutsche Sprache; Bd. 21). Tübingen, 2001 // ВЯ, 2002, № 4, с. 137-141.
- Грановская Л. М. Русский язык в "рассеянии". Очерки по языку русской эмиграции первой волны. М., 1995
- Земская Е. А. Об угасании письменной формы русского языка в среде эмиграции // Роман Якобсон. Тексты, документы, исследования. М., РГГУ, 1999б, с. 599-610.
- Земская Е. А. Язык русского зарубежья: проблемы и нормы речевого поведения // Культурно-речевая ситуация в современной России. / Отв. ред. Н. А. Купина. Екатеринбург, 2000а.
- Земская Е. А. Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты // Язык русского зарубежья: общие процессы и речевые портреты. М.-Вена, 2001.
- Земская Е. А. Функции американизмов в речи эмигрантов // Слово в тексте и словаре. Отв. ред. Л. Л. Иомдин и Л. П. Крысин. М., 2001а.
- Земская Е. А. Специфика семантики и комбинаторики производства слов-гибридов // Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik / Hrsg. S. Mengel. Münster-Hamburg-London, 2002а. S. 157-169.
- Земская Е. А. Сорняк или роза? (к вопросу о сохранности русского языка у эмигрантов четвертой волны) // Изв. РАН. Серия литературы и языка. 2002б, т. 61, № 4, с. 37-42.

- Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1996, с. 142-161
- Оглезнева Е. А. Русский язык зарубежья: восточная ветвь // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2003. № 6.
- Осипова М. А. Разговорный русский язык иммигрантов в США. Лексика и словообразование // Славянские языки в неславянском окружении. Отв. ред. Т. М. Николаева. М., 2002.
- Пфандль Г. Русскоязычный эмигрант третьей и четвертой волны: несколько размышлений // Русский язык за рубежом, 1994, № 4-5, с. 101-108.
- Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 1996.
- Русский +. Семинар: Детское двуязычие. Lapsi ja Kaksikielisyys - seminaaru. Helsinki, 2000.
- Русский язык зарубежья. Отв. ред. Е. В. Красильникова. М., 2001.
- Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, т. 1-4. М., 1935-1940.
- Эндрюс Д. Р. Пять подходов к лингвистическому анализу языка русских эмигрантов в США // Славяноведение. М., 1997, № 2, с. 18-30.
- Язык русского зарубежья: общие процессы и речевые портреты. Отв. ред. Е. А. Земская. М.-Вена, 2001.
- Andrews D. Socio-cultural Perspectives on Language Change in Diaspora. Soviet immigrants in the United States // Impact: Studies in Language and Society, vol. 5. John Benj. Publishing Company, Amsterdam/Philadelphia, 1998.
- Benson M. American-Russian // American Speech, October 1960, vol. XXXV, № 3, p. 163-194.
- Kagan et al. Russian for Russian. Русский для Русских. Los Angeles, 2003
- Polinsky M. S. American Russian: A new Pidgin // Московский лингвистический журнал. 1998, т. 4, р. 78-138.
- Rathmayr R. Anglizismen im Russischen: Gamburgery, Bifsteksy und Voucherisierung Russlands // Eurospeak. Sonderndruck. Offprint. Peter Lang. 2002.